

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ВОПРОСЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Г.А. КАМЧАТНОВ

*Московский педагогический
государственный универ-
ситет*

e-mail: kamchatnov@mail.ru

Подводятся итоги изучения правительственной политики самодержавия в отношении высшей школы в отечественной исторической литературе XX – начала XXI вв. Предметом историографического анализа выступает эволюция методологических и концептуальных основ исследования университетского вопроса во внутривластном курсе Александра II в работах советских и современных российских историков. Констатируется, что, несмотря на солидный фактический материал, вовлеченный в исследовательское поле, комплексное осмысление анализируемой проблемы остается актуальным и для постсоветской историографии.

Ключевые слова: историография, методология социогуманитарного знания, история высшей школы, Великие реформы, студенчество, внутренняя политика самодержавия, университетский вопрос.

Образование является одной из основных институциональных систем общества. Его изучение с точки зрения системного подхода обуславливает необходимость анализа как внешних, так и внутренних факторов эволюции социальной реальности. Проблемы правительственной политики в сфере образования являются предметом особого внимания как педагогики, так и исторической науки и поэтому требуют комплексного решения. Однако долгое время приоритетным вниманием ученых пользовались лишь сюжеты, связанные с историей студенческого движения. Во многом это объяснялось методологической односторонностью исследований, стремлением свести суть происходящих явлений к классовой борьбе, которая рассматривалась в марксистской традиции как движущая сила общественного прогресса. Неудивительно, что проблемы образовательной политики самодержавия, в том числе и в период Великих реформ, не входили в число интенсивно разрабатывавшихся. Фактически изучение сферы образования было отдано на «откуп» истории педагогики, что обуславливало сосредоточение внимания на проблемах типологии образовательных учреждений, различий в их учебных планах, методики преподавания отдельных предметов¹. И лишь проблема университетских уставов оставалась в поле исследовательского интереса советских историков, хотя даже она не была комплексно и всесторонне исследована. Сегодня мы являемся свидетелями возрождения интереса к истории взаимоотношений власти и школы².

Главным фактором преобразований Александра II в сфере просвещения советская историография долгое время считала успехи капиталистического развития и кризис феодально-крепостнической системы. Вульгаризируя принцип экономического детерминизма, ряд авторов сводили причины образовательных реформ к «росту крупной промышленности». Логика была примитивна и потому не требовала комментариев: в условиях развивающегося капитализма николаевская система образования с ее невысоким уровнем грамотности, незначительным количеством школ и неудовле-

¹ См., например: Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954; Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917 гг.). М., 1982. С.10.

² Донин А.Н. Университетские реформы в России: общественная мысль и практика. Вторая половина XIX века. Саратов, 2003; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т.1-4. М., 2002-2004; Ягафарова Р.Х. Российские университеты: прошлое, настоящее, будущее. Набережные Челны, 2003 и др.

творительным качеством преподавания в них никак не могла удовлетворить растущие потребности промышленности в квалифицированных кадрах. Правда, эти построения не могли объяснить причины демократизации школьного и университетского управления в 1860-е гг., но для этого существовала спасительная «революционная ситуация конца 1850 – начала 1860-х гг.». В случае с университетским уставом на первый план при этом выдвигалось «мощное студенческое движение», а к переменам в средней и начальной школе правительство толкало «мощное общественное педагогическое движение». Правительство, разумеется, плелось в хвосте событий, превратившись в простого регистратора градуса общественного напряжения.

В сравнении с начальной и средней школой история университетов гораздо чаще привлекала к себе внимание исследователей. Но в основном это было связано с обращением либо к студенческому движению, либо к внутренней жизни и устройству отдельных университетов. Сама же университетская политика самодержавия оставалась в тени довольно долго. Поверхностная оценка университетского устава 1863 г. и последующей эволюции политики самодержавия в отношении высшего образования давалась в очерках истории русских университетов, выходявших к юбилеям. Но при этом в них не должны были и не предпринимались попытки рассмотреть и дать оценку процессу разработки и реализации правительственного курса в университетском вопросе и его движущим силам.

В вузовской учебной литературе авторы соответствующих глав ограничивались лишь анализом устава, ни о реформе, ни об университетской политике в целом речь не заходила. При этом даже характеристика устава была весьма конспективной. Его суть виделась в восстановлении упраздненной в 1835 г. автономии университетов. Так, в учебнике «История СССР. 1861-1917», предназначенном для студентов исторических факультетов педагогических институтов, в главе о реформах Александра II, написанной В.А. Корниловым, утверждается, что «устав ... провозглашал их (университетов. – Г.К.) внутреннюю автономию»³. Все основные изменения сведены к увеличению полномочий Совета университета, демократизации внутриуниверситетской жизни, «расширению объема преподавания». О попечителях учебных округов здесь вовсе не упоминается, как будто университеты вышли из-под их власти. Ни слова не сказано об эволюции политики царизма. Мало отличается изложение данного вопроса и в университетском учебнике по истории СССР⁴. Лишь в нескольких строках упомянув о процессе разработки устава и общих итогах его реализации, автор главы, В. А. Федоров, главным образом пишет о «довольно широкой автономии» университетов. По его убеждению, «Совет университета получал право самостоятельно решать все научные, учебные и административно-финансовые вопросы»⁵. Столь же радикальны в оценке масштабов происшедших перемен были и предшественники В.А. Федорова и В.А. Корнилова. В предыдущем издании учебника для педвузов П.И. Кабанов безоговорочно заключал: «... по новому уставу была восстановлена упраздненная при Николае I университетская автономия»⁶. Правда, тут же следует оговорка, что «такая автономия не исключала возможности надзора и вмешательства со стороны министра народного образования или попечителя учебного округа»⁷. В университетском учебнике по истории СССР 1965 г., где автором главы был сам П. А. Зайончковский, также без достаточного обоснования утверждается тезис о восстановленной автономии⁸. У нас не вызывает сомнений сам факт восстановления автономии, но его нужно рассматривать не изолированно, а в контексте всей университетской политики прави-

³ История СССР, 1861-1917: Учебник для студентов педагогических институтов по спец. «История» / Под ред. Тюкавкина В. Г. М., 1989. С.45.

⁴ История СССР. XIX – начало XX в.: Учебник для вузов / Под ред. И.А. Федосова. М., 1987.

⁵ Там же. С.174.

⁶ История СССР, 1861-1917: Учебник для студентов / Под ред. Н.Д. Кузнецова. М., 1984. С.42.

⁷ Там же. С.44.

⁸ История СССР: Учебник для студентов исторических факультетов государственных университетов. Т.2. 1861-1917. Период капитализма / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1965. С.72.

тельства, тем более, что против него в течение почти полувека выступал весьма авторитетный специалист по университетской реформе Р. Г. Эймонтова, чьи представления о преобразованиях высшего образования заслуживают более основательного историографического анализа. Наиболее детально результаты многолетнего изучения отражены в двух монографиях автора, которые, по собственному ее признанию, составляют единую работу⁹. Первое ее обращение к проблеме было связано с написанием и защитой в 1954 г. кандидатской диссертации¹⁰, содержание которой позднее частично раскрывалось в нескольких статьях. Р. Г. Эймонтова полагала, что «университетская реформа 1863 г. была вызвана к жизни теми же причинами, что и другие буржуазные преобразования 60-70-х гг.»¹¹. Развивающееся капиталистическое хозяйство требовало изменения характера подготовки специалистов и увеличения их числа. «Орудием же исторического прогресса», которое заставило правительство пойти на необходимые перемены, было студенческое движение. Но и его роль не следует преувеличивать: борьба студентов являлась лишь одним из слагаемых революционной ситуации¹². Р. Г. Эймонтова и в середине 1990-х гг. не отказалась от попыток вывести Великие реформы непосредственно из классовой борьбы. При таком понимании причин преобразований правительство, под пером исследовательницы, становится заложником «расстановки классовых и общественно-политических сил». Мало того, что оно приступает к реформе «под непосредственным впечатлением» от революционной ситуации, все его дальнейшие маневры объясняются изменением градуса революционного натиска и недовольства¹³. Собственно вся периодизация разработки университетской реформы у Р. Г. Эймонтовой построена не на внутренних закономерностях правительственного курса, а на спадах и подъемах классовой борьбы. В 1974 г. ею было выделено три периода: первый – конец 1850 – лето 1861 г., содержание которого составлял кризис правительственной политики и поиски выхода из него, второй – поворотный – осень 1861 – середина 1862 гг., когда царизм пошел на наибольшие уступки общественному мнению в университетском вопросе, третий – рубеж 1862-1863 гг. – «царизм берет реванш», подвергая подготовленный проект Устава пересмотру в «охранительном духе»¹⁴. Совершенно в том же духе рисуется ход разработки Устава и в обобщающей монографии 1993 г.¹⁵. Несомненной заслугой Р. Г. Эймонтовой стало воссоздание во всех подробностях борьбы в «верхах» по вопросам университетской политики. Автор не ограничился анализом разработки проекта Устава, а представил сложный и противоречивый курс Александра II во всей его полноте. Правда, Р. Г. Эймонтовой не вполне удалось убедительно связать повороты внутриполитического курса правительства с общественным движением. Довольно радикальные проекты появлялись в обстановке политических «заморозков», а в самые напряженные дни студенческих волнений правительство стояло на позиции преимущественного использования репрессивных мер. При этом даже во времена «разгула реакции» в комиссиях и комитетах не прекращались поиски приемлемой формулы преобразований. Думается, что своим окончательным видом Устав обязан не общественному движению, а борьбе различных идейно-политических концепций в бюрократических кругах. Сложилось же они отнюдь не под влиянием улицы и толпы, а в результате своеобразного понимания «верхами» необходимости модернизации и европеизации, кризиса николаевской системы управления. Успокоение же, достигнутое в результате полицейских репрессий,

⁹ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. Ее же Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 261.

¹⁰ Эймонтова Р. Г. Университетский вопрос в конце 50-начале 60-х гг. XIX в.: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1954.

¹¹ Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 165.

¹² Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 68-69.

¹³ Там же. С. 255-266.

¹⁴ Эймонтова Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. Т. 6. М., 1974. С. 61-62.

¹⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 255-256.

виделось как необходимое условие приступа к переменам. Правительство, с одной стороны, не хотело показать обществу, что реформы вырваны беспорядками (тем более, что это было неверно), а, с другой стороны, понимало бессмысленность уступок в момент студенческих волнений: они приводят лишь к радикализации требований, убеждая в слабости власти.

Р. Г. Эймонтова не только проанализировала Устав и основные изменения в университетской жизни после реформы, но и рассмотрела процесс введения новых правил в жизнь. Признав, что после преобразований отечественные университеты вышли «на мировой уровень»¹⁶, автор тут же приводит доказательства в пользу одного из своих тезисов: никаких коренных изменений в жизнь высшей школы реформа не внесла¹⁷. Утвердившееся в учебной литературе мнение о предоставлении в 1863 г. университетам автономии фактически отменяется и подменяется признанием факта некоторого «расширения круга деятельности и прав университетских советов»¹⁸. Таким образом, исследовательница отрицает, в сущности, очевидное: сохранение выборного и коллегиального начал в управлении, создание университетского суда, устранение произвола и неограниченного вмешательства инспекции в жизнь студентов (все это признается Р. Г. Эймонтовой) – все эти изменения в конкретно-исторической ситуации первой половины 1860-х гг., когда во главе Министерства народного просвещения стояли либеральные бюрократы, и означали автономию, пусть ограниченную и непоследовательную. Значительные полномочия попечителей и министра, сохраненные и при новом устройстве, должны рассматриваться как своеобразная цена автономии, гарантия против возможного «опьянения» свободой. Действительно, эти полномочия были использованы преемником А.В. Головнина, но произошло это уже в изменившихся политических обстоятельствах, при ином раскладе сил в высшей бюрократии. К тому же не совсем понятной при таком нигилистическом подходе к самостоятельности университетов становится и вся многолетняя борьба Д. А. Толстого и И. Д. Делянова против Устава 1863 г., да и сама контрреформа 1884 г. Видимо, на практике университеты пользовались гораздо большей автономией, чем это представляется Р.Г. Эймонтовой. Во всяком случае, так считало правительство.

Р.Г. Эймонтова, к сожалению, не реконструировала политику самодержавия в отношении проблем высшей школы во второй половине 1860 – 1870-х гг. Это не входило в задачи работы, являясь предметом самостоятельного исследования. Несколько страниц беглого обзора правительственных действий по университетскому вопросу при министерстве Д.А. Толстого не исчерпывают темы. Аттестованы же они, как кажется, без достаточной аргументации «курсом на контрреформу»¹⁹. Несмотря на почти исчерпывающую фактическую полноту, освещение в работах Р. Г. Эймонтовой сложного процесса подготовки университетской реформы в контексте изменявшегося внутривнутриполитического курса страдает рядом концептуальных недостатков.

Политика царизма по университетскому вопросу во второе пореформенное десятилетие фактически не изучена. В монографии Г.И. Щетининой, признанного специалиста по контрреформе 1884 г., анализируются изменения в правительственном курсе в период второй революционной ситуации. Правда, избранный угол зрения (подготовка контрреформы) вряд ли способствовал всестороннему и объективному освещению политики самодержавия. В период же «диктатуры сердца» характер ее меняется, что для автора служит «явственным обнаружением кризиса «верхов»»²⁰.

Таким образом, в отечественной историографии университетской политики самодержавия к середине 1990-х гг. сложилась довольно необычная ситуация: наряду с отсутствием конкретно-исторической разработки многих проблем (например, политики МНП во второй половине 1860 – конце 1870-х гг. по отношению к университетам), исследователь-

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. Т.70. М., 1961. С.175.

¹⁹ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 246.

²⁰ Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 г. М., 1976. С.100.

ский монополизм нескольких ученых не дал сформулировать новые методологические подходы.

В последнее десятилетие прошлого века новые тенденции в развитии исторической науки стали заметно отчетливее. Связано это было с переосмыслением традиционной проблематики исследований и становлением новых парадигм исторического знания. Возрастающий интерес ученых к эволюции системы образования России сопровождался интенсификацией изучения истории университетов. Подводя некоторые итоги изучения дореволюционной отечественной высшей школы, коллектив сотрудников НИИ высшего образования под редакцией В. Г. Кинелева выпустил в 1995 г. фундаментальный труд, который посвящен систематическому изложению основных вех в истории возникновения и развития вузовского образования в дореволюционной России²¹. В коллективной монографии сотрудников НИИ высшего образования прослеживаются этапы эволюции отечественных университетов, начиная с XVIII в., однако собственно университетам посвящена лишь одна глава этой коллективной монографии²².

К числу новейших публикаций по российской университетской истории принадлежат работы В. А. Змеева²³, А. И. Аврус²⁴, В. И. Жукова²⁵. В одной из глав своего исследования В. А. Змеев формулирует тезис о том, что Устав 1884 г. сумел обеспечить укрепление высшей школы за счет ограничения ее автономии. А. И. Аврус же основное внимание уделяет анализу уставов и внутренней жизни университетских коллективов на протяжении всей истории развития российских университетов. В работе В. И. Жукова предпринята попытка ретроспективного анализа современных проблем высшей школы, корни которых он видит в истории университетов второй половины XIX в.

Рост интереса к проблемам высшего образования в Российской империи находит свое отражение и в возрастающем количестве публикаций в периодической печати. Ряд журналов («Социально-гуманитарные знания», «Высшее образование», «Педагогика», «Вопросы истории» и др.) имеют специальные рубрики, посвященные различным аспектам истории высшей школы. Так, в журнале «Социально-гуманитарные знания» в постоянной рубрике «Отечественная и зарубежная системы образования» опубликовано свыше двух десятков статей по истории высшего образования дореволюционной России²⁶.

Таким образом, в изучении университетской политики пореформенного самодержавия можно выделить ряд различных концептуальных принципов и подходов. Советская историография впервые поставила этот вопрос в ряд самостоятельных исследовательских сюжетов. Однако для нее было характерно некоторое увлечение историко-педагогическими проблемами, с одной стороны, и идеологизированность, с другой. На современном этапе развития исторической науки удалось преодолеть монополизм вульгарно-материалистического взгляда на прошлое. Однако это было достигнуто при одновременном снижении исследовательского интереса к конкретно-историческим проблемам развития отечественной высшей школы.

²¹ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995.

²² История университетского образования в дореволюционной России / А. И. Момот, В. Ф. Хотеев, Ю. Л. Господарик и др. М., 1993.

²³ Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998.

²⁴ Аврус А. И. История российских университетов: Курс лекций. Саратов, 2005.

²⁵ Жуков В. И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М., 2000.

²⁶ Полякова Н. В. Складывание российской системы образования // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 168-178; Змеев В. А. Реформирование высшей школы России в 50-60-е годы XIX в. // Там же. № 4. С. 158-171; Его же. Высшая школа России: от реформ 60-х к реформе 80-х годов XIX в. // Там же. № 5. С. 164-179; Его же. Университетский устав 1884 года // Там же. № 6. С. 139-153 и др.

NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE GOVERNMENT POLICY CONCERNING THE "UNIVERSITY PROBLEM" IN THE TIME OF GREAT REFORMS

G. A. KAMCHATNOV

Moscow State Pedagogical University

e-mail: kamchatnov@mail.ru

Herein are the results of the research of national historical and scientific literature (XX-early XXI century) from the point of how it reflects the monarchic government policy concerning higher school. The object of the historiographic analysis is the evolution of methodological and conceptual basis of the research of the place of the "University Problem" in Alexander II's domestic policy in the works of soviet and contemporary Russian historians. It is stated that, despite substantial amount of factual material involved into the research, the comprehensive understanding of the problem in question still remains urgent for post-soviet historiography.

Key words: historiography, methodology of socio-humanitarian knowledge, history of higher school, studentship, Great Reforms, monarchy's domestic policy, "University Problem".